

АНДРЕЙ БИНЕВ

КЭТРИНИ Я,
ЕЕ РУССКИЙ
ЖИГОЛО

Трое

Андрей Бинев

Кэтрин и я, ее русский жиголо

«Автор»

Бинев А.

Кэтрин и я, ее русский жиголо / А. Бинев — «Автор», — (Трое)

ISBN 978-5-373-03379-4

«Один мой случайный знакомый, болезненно полный человек, с бордовой бугристой кожей на одутловатом лице, как-то мечтательно протянул...»

ISBN 978-5-373-03379-4

© Бинев А.

© Автор

Содержание

Небылица, первая	6
Небылица, вторая	7
Спецжизнь	10
Небылица, четвертая	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Андрей Бинев

Кэтрин и я, ее русский жиголо

«Грешит ли камень? Грешит ли дерево? Или грешит только один человек?..»

«Если грешит только один человек, то значит, все грехи мира находятся в самом человеке. Грех не входит в человека, а только выходит из него. Подобно пицци: человек съедает хорошее, а выбрасывает из себя нехорошее. В мире нет ничего нехорошего, только то, что прошло сквозь человека, может стать нехорошим».

Даниил Хармс «Власть»

Один мой случайный знакомый, болезненно полный человек, с бордовой бугристой кожей на одутловатом лице, как-то мечтательно протянул:

«Я вечен, потому что до последнего мгновения не поверю в свою смертность. А за ее порогом меня не станет, как и моего знания о том, что я был и что потерял безвозвратно самое ценное и даже единственное. Мне эта мысль помогает жить. Потому что я – это лишь то, что я сам о себе думаю.

Ты говоришь, я полон небылиц! А я отвечаю – лишь они истинны и реальны. Я гений, потому что в своих фантазиях я могущественен как Господь, создавший мир. Жалкая наша жизнь – лишь оболочка, лишь кожа, скрывающая сладкую сочную мякоть, которую такие, как ты называют „небылицами“, фантазиями. А они, эти небылицы, есть мысль, куда более реальная, чем тот сосуд, в который она заключена.

Я впусти тебя на мгновение под свою неприглядную кожу, и ты увидишь там стройного юношу, сильного и независимого. Он – высок, длинноног и атлетичен, мышцы его налиты бронзовой силой, а мысли ясные. Он легко и без колебаний вершит все то, что недостижимо для моей оболочки. Он не врет себе, и его самого обмануть нельзя, он не питает иллюзий, потому что сам и есть иллюзия. Он – само совершенство, рожденное во мне.

Собственно, Он – и есть Я, а не тот, которого ты видишь перед собой, жирного, потного борова. Он защищен от вас всех тем, что вы о нем ничего не знаете, а значит, ваша жалкая зависть не сумеет убить его. Потому-то, наверное, он и бесстрашен. Однако лишь только вы заподозрите, что он существует, то немедленно назначите меня шизофреником, и будете травить, травить, травить мою мякоть. Но в ваших руках лишь шкура, оболочка, кожа...

Так живут все, тайно сохраняя свою нежную мякоть. Однако никакой силой из нас не вытравить небылиц и фантазий, иначе придется, в конце концов, поверить в свою смертность, а это и есть безвременная кончина, пришедшая раньше ее физического проявления.

Тот, что внутри меня, мой главный ориентир, мой единственный критик и жестокий судья. Он и ласковый мой брат!».

Этот жалкий толстяк умер во сне, предварительно все же потомившись в психиатрической лечебнице. Говорят, лишь всхлипнул и напоследок громко испортил воздух. Словом, перешагнул тот самый порог, за которым не было ни его уродливой оболочки, ни его стройного и счастливого «Я».

Не знаю, что за небылицы жили внутри него, но с недавних пор я заметил, что кое-что изменилось и во мне самом. Вот только тот, что внутри, как-то устрашающе похож на свою внешнюю Оболочку. Только глаза у него со стальным жестоким отблеском. Такие, как он, живут без сомнений!

Но что-то я окончательно запутался, где Моя Оболочка, а где Он и его Небылицы.

Небылица, первая

Ну, вот, наконец-то, они меня нагоняют! Мне это даже уже интересно, забавно, что ли! Адреналин бурлит в крови, как вода от кипятильника в граненом стакане.

Обожаю кипятильники! И граненые стаканы! Они вызывают у меня ностальгические воспоминания о тех временах, когда в жесткий болгарский кейз типа «дипломат» вместе с бритвой «Харьков», зубной щеткой и бутылкой водки за четыре двенадцать укладывался этот самый кипятильник, который призван был согреть мои сиротливые командировочные вечера в серой, холодной гостинице где-нибудь на краю земли. Даже в том месте, куда попадают лишь такие, как я: специальные люди со специальными целями. Если это было в пределах Родины, то и граненый стакан на треснувшей стеклянной полке в ванной был гарантирован даже с большей вероятностью, чем остальные удобства.

Кипятильник, стакан и вода, подпорченная хлоркой! Это значит – я дома.

Кипятильник, высокий стакан из тонкого стекла (с кипятильником несовместим!) и безвкусная, почти дистиллированная, вода: значит, я в глубоком тылу у «вероятного противника».

Однако кипятильник – главное! Ядро. Все остальное – лишь география.

Но они все же догоняют. Мой черный глазастый «Мерседес» идет ровно, без излишнего напряжения. Двигатель урчит где-то далеко под длинным капотом, а стрелка спидометра гуляет между цифрами 195 и 210. Колеса дробно постукивают о неровности асфальта. Развить еще большую скорость здесь невозможно: шоссе узкое, накрапывает дождь, да, кроме того, очень хочется посмотреть, на что они способны, эти, которые догоняют. Они на мощном, с акульем рылом, стальном BMW.

Вот они обходят меня слева, окно сползает вниз и тот, что сидит рядом с водителем, высовывает в проем длинный ствол «Стечкина». Я тоже приспускаю свое окошко.

– Остановись, падла! А то тебе... – остальное я не слышу, но догадываюсь.

Лицо у стрелка строгое, нервное, злое. И очень юное. О таких говорят – «открытое славянское лицо!»

Он явно боится себя самого, своей жестокой решимости и глубоко запрятанной трусости. Но он предельно возбужден пятиминутной гонкой и мощным оружием в своих руках. Такой выстрелит, если и не по необходимости, то хотя бы из опасения оказаться неприспособленным к беспричинной бойне.

Я зло улыбаюсь, слегка притормаживаю, чтобы пропустить BMW на полкорпуса вперед, правой рукой нащупываю ребристую ручку «Калашникова», выставляю ствол с раструбом в окно и жду, когда BMW вновь поравняется со мной. Это происходит через пару секунд.

«Открытое славянское лицо» вытягивается и становится «чопорно-саксонским», почти непроницаемым, с искрой изумления.

Через десять секунд я еду по шоссе в одиночестве. Стальная акула свернула куда-то с дороги. Не получилось у них остановить меня и отобрать мой новенький «Мерседес». Я еще некоторое время еду, не пряча под сидение автомат. Но, взглянув несколько раз в зеркало заднего вида, слегка притормаживаю и убираю по дальше свое оружие.

Я – победитель! Мне легко и комфортно. «А дорога дальнею лентою вьется...»

Я привык быть победителем. Долой слабость! Никаких сомнений! Поставить на пути ущербности чугунные ежи беспредельной и расчетливой агрессивности! Никого не бояться! И прежде всего, самого себя! У меня тоже – «открытое славянское лицо».

Небылица, вторая

Или вот еще. Некая теплая южно-европейская держава. Форум Большой Восьмерки. Испепеляющая жара: прямо-таки глаза горят и плавятся. Будто пьяный повар, заснув у печки, забыл на огне гигантскую сковороду с блинами. Солнце жарит нещадно, люди обезумели от зноя и нервного напряжения. На небольшой площадке с одноэтажными сооружениями из сборных бетонных блоков толпится, по меньшей мере, полсотни съемочных групп с камерами и микрофонами на длинных черных штангах, столько же радиожурналистов и пишущей братии. Кругом по земле, как змеи, вьются провода.

Быстрее всех летают в одну из бетонных конструкций, к телефонам, репортеры из мировых и местных агентств. Они толкаются в дверях, быстро оглядывают зал, уставленный разборными столами и, увидев свободное место, рвутся к нему, будто солдаты к полевой кухне – сметая все на своем пути. Сухая дробь клавиатуры двух с половиной десятков компьютеров, шелест листов бумаги в трех гигантских копировальных аппаратах, разноязыкая многоголосоица, как церковное песнопение на неведомом языке. Ко всему к этому, вокруг бетонных конструкций – злобные псы в поводу у молчаливых, угрюмых полицейских, кофе в пластиковых стаканах и какофония звонков из мобильных телефонов. Броуновское движение, не понятное лишь дилетантам. Для остальных – все привычно, все правильно, все так, как следует, как и ожидалось...

Все ждут двух президентов – русского и американца. Они обещали совместную пресс-конференцию, и репортеры возбуждены почти до нервного стресса. Никто не знает, откуда они зайдут и где остановятся и скажут ли что-нибудь сенсационное и важное. Хотя всем уже известно, что основная встреча пройдет в самом крупном из бетонных сооружений. Многие камеры уже заняли выгодные позиции, а телерепортеры, операторы и их техники под строгим наблюдением суровой местной охраны прилаживают микрофоны и беспокойно поглядывают на дверь, чтобы не пропустить самого важного, чтобы вовремя занять место в зале и успеть выкрикнуть свой вопрос. Хотя каждый знает, что все вопросы уже давно заданы. И не здесь, и не этим людям, и очень-очень давно. Не то в Тегеране, не то в Ялте...

Я стою во дворе, стараясь спрятаться от солнца под скудную тень вербы, и устало сжимаю в потном кулаке микрофон. Провод от него тянется в мою походную сумочку, а в ней – наготове профессиональный магнитофон, компактная «сонька». Собственно, я тоже не верю, что эти двое скажут что-нибудь существенное, но очень надо быть похожим на всю остальную репортерскую братию. Постепенно вхожу в роль и действительно начинаю чувствовать себя одним из них.

«Черт возьми! – почему бы и нет! А может быть, кто-то из президентов изречет все же что-нибудь неожиданно важное! Столько денег потрачено на это сборище! Или они лишь упиваются своим могуществом! Мы их „делаем“, потому что мы и есть их окружение. Не то пчелы в ожидании меда, не то навозные мухи в поисках... Господи! Какое свинство!»

Я обращаю внимание на смуглого репортера с большим «бабинным» магнитофоном на плече. Похоже, он ливанец. Глаза нервные, злые, взгляд скользит по лицам, по углам. Никогда бы и не посмотрел на него, если бы не заметил, как он быстро переглянулся с высоким молодым блондином-немцем, у которого на животе висит огромных размеров фотокамера. Они переглядываются тайком, нервно и нетерпеливо. Смуглый смотрит на блондина вопрошающе. Тот сначала украдкой оглядывается, не наблюдает ли кто за ними со стороны, пожимает плечами и еле заметно отрицательно поводит головой.

Я уже не могу оторваться от этой пары. «Если они знакомы, почему скрывают это? Если нет, то что их связывает? Если не неформальный половой инстинкт, то... Они террористы! Здесь готовится акция! А кто еще с ними? Не может быть, чтобы их было только двое!»

Начинаю оглядываться, но понимаю, что могу привлечь к себе внимание и становлюсь за спиной Смуглого, метрах в пяти. Конечно, я могу подойти к кому-нибудь из полицейских и «стукнуть» на сомнительную парочку. А если я ошибся! Вот позор-то! Репортерская братия меня раздавит презрением и насмешками! А от этих двоих можно получить и в морду! Сорвал им репортаж! Да еще какой! А остальным! Пресс-конференцию сразу отменяют. Решаю набраться мужества и терпения.

Со стороны основного пресс-центра (временные конструкции и все мы находимся во дворе этого серого каменного здания) слышится шум. Впереди тараном идут огромные парни с тонкими наушниками в ушах и в черных очках. Их пиджаки раздуты от спрятанного там оружия, лица напряжены. Эти американцы и русские похожи друг на друга. Как собаки одной и той же породы, но выросшие в различных климатических условиях. Я видел это не раз на собачьих выставках: одни псы с холеной гладкой шерстью, другие – чуть встрепанные, поредевшие. Но порода одна – бойцовая, агрессивная.

Телохранители идут клином, расталкивая репортеров, распахивая камеры. В центре между ними два побледневших от напряжения и усталости президента. Я на мгновение отвлекаюсь, замороженный этим стройным и властным порядком на фоне общего штатского хаоса, но тут же спохватываюсь и начинаю искать глазами Смуглого. Он тут же, рядом, но уже за моей спиной. Он смотрит на президентов, потом куда-то в сторону. Слежу за взглядом и вижу немца-блондина. Тот pokrылся испариной, лицо заметно порозовело. Руки нервно вцепились в аппарат. Опять смотрю на Смуглого и отчетливо, с ужасом, понимаю, что не ошибся. Сейчас они себя проявят!

Бросаюсь вперед и вцепляюсь руками в плечо американца из службы безопасности. Он ближе всех ко мне. Шепчу ему по английски, выцарапывая из себя чужие страшные слова: «Уберите президента! Здесь террористы! Уберите, они будут стрелять!»

Американец вздрагивает, оглядывается, молниеносно, как животное, холодно и расчетливо, смотрит на меня и, быстро кивнув, выбрасывает свое тело, как пружину, далеко вперед. Он что-то истошно орет. Я бросаюсь к одному из наших охранников и тоже ору: «Уберите президента! Сейчас начнется! Здесь убийцы!»

Клин вдруг превращается в два плотных круга, оттуда мгновенно вылетают люди, одна камера, два осветительных телевизионных прибора. Все это с грохотом рассыпается по двору. Президентов жмут в сторону, их уже почти не видно – только сильные тела в темных пиджаках, у одних спины, у других – грудь. В руках у телохранителей неведомое мне оружие, короткоствольное, мощное, страшное.

Я вижу, как Смуглый отбрасывает в сторону магнитофон и быстро извлекает из его нутра такое же, или почти такое же, короткоствольное оружие. В голове у меня проносится молнией: «Я прав! Я прав! Ничего не напутал!» И тут же бросаюсь на Смуглого.

Перехватываю его за запястье и задираю кверху ствол, сухо гремят выстрелы, будто кто-то наступает на жесткую картонную коробку. Бью своим тяжелым микрофоном его по переносице, бью зло, сильно, насмерть бью, чтобы не поднялся. Кровь хлещет на меня, но он продолжает стрелять. Вдруг слышу пальбу за спиной, она неожиданно возрастает, и я понимаю, что стреляют из нескольких скорострельных пистолетов. Разворачиваюсь, на выпуская руки Смуглого, и вижу, что на меня несется Блондин. Он нещадно палит из длинноствольного пистолета. Я хватаю Смуглого за шею и резко загораживаюсь им. Вовремя! Он вздрагивает всем телом и становится очень тяжелым: пули, предназначенные мне, достались ему. Я запрыгиваю на высокий каменный парапет; к тому времени немец поворачивается в сторону президентов и охраны, и теперь палит в них. Он возбужден до истерики, стреляет наотмашь, грязно, жестоко. Из бурлящей толпы выпадают люди. Я валюсь на него сверху, придавливая всем своим восьмидесяти пяти килограммовым телом. Он ломается подо мной, мы валимся в пыль. Слышу, как трещат брюки на моей правой коленке. С ужасом вдруг соображаю, что у меня здесь других

брюк нет! Но вцепляюсь руками в волосы Блондина и начинаю бешено колотить его головой о грунт, жесткий и горячий. Стрельба слышна уже в стороне. Значит, их больше! Где-то рядом идет бой.

Меня буквально отдирают от немца. Он не дышит. Я ясно понимаю, что убил его, сломал шею. Его глаза полуоткрыты, язык, синий, вылез из распухших, окровавленных губ. Я только что убил двоих! Смуглого и Блондина.

В клочья изорвал свои брюки, до крови исцарапал коленку и повредил левую бровь. Мой искалеченный микрофон валяется в пыли, а мне при этом крутят назад руки и больно бьют сапогом под ребра. Потом кусают за бок! Это уже собака! Она рвет мое мясо, а мне даже не страшно. Я теряю сознание на мгновение, а когда прихожу в себя, меня отдирают от пса и охранника. Это – двое американцев. Взлетаю над землей и переносусь на их руках куда-то вглубь основного здания.

Первый вопрос ко мне от крупного, с проседью, американца. Рядом с ним наш парень из службы безопасности президента и какой-то местный «волкодав»:

– Почему не сказал сразу?

– Боялся ошибиться! И времени не было!

– Почему кинулся на них? Они могли убить!

– Об этом не успел подумать. Но я сделал главное – не дал им выйти на исходные позиции, которые они определенно подготовили заранее!

– Молодец! – говорит американец, – Ты настоящий парень! И все сделал правильно. Откуда у тебя такие знания!

– Я – репортер. Репортер и все тут! Не копайтесь! Это бесполезно!

– Чем ты занимался раньше?

– Это не имеет значения! – вмешивается наш парень. – К делу не относится. Мы сами с ним разберемся. Он гражданин России, а не Штатов. И здесь не Штаты, а Южная Европа. Скажите спасибо, что русский репортер спас жизнь вашему президенту!

– Но и вашему!

– И нашему! За это мы поблагодарим! Сами!

– Мы тоже не останемся в долгу! Парень угробил двоих ублюдков голыми руками...

– У меня был микрофон... Теперь он сломался.

– У тебя будет сто таких микрофонов, парень! Это я тебе говорю, бывший тexasский рейнджер. У вас крутили этот фильм?

– До одури!

Все закончено. Меня ведут по коридору к врачу. И обещают приличные штаны, взамен порванных. Оба президента живы, в бою полегло два телохранителя из наших, один американец, и убит не то шведский, не то датский оператор. Есть раненые среди журналистов. Двое из четверых террористов схвачены, один из них уже в больнице, серьезно ранен кем-то их охраны. Двое других убиты, мною. Я на всех экранах мира. В момент боя. Две компании успели все это заснять. Не растерялись, акулы чертовы! Всегда наготове!

Я – победитель! Мне легко и комфортно. «А дорога дальнею лентою вьется...»

Я привык быть победителем. Долой слабость! Никаких сомнений! Поставить на пути ущербности чугунные ежи беспредельной и расчетливой агрессивности! Никого не бояться! И прежде всего, самого себя! У меня тоже – «открытое славянское лицо».

Спецжизнь

...Смотрю в потолок. Лежу дома на своем потертом диване. Жду телефонного звонка. И стараюсь вспомнить, был ли в моей жизни глазастый «мерседес» и автомат в руках, было ли акулье рыло BMW вровень с моим окошком, был ли короткий бой за жизнь двух президентов? Было ли все это или могло бы быть!

Телефон оживает. Лениво беру трубку. Но это – не тот голос и не тот разговор.

– Сколько можно вам звонить! Никакого толка! – это вместо вежливого, сухого телефонного приветствия.

– А какого толка вам надо? – спрашиваю строго и заинтересованно.

– Сами знаете... Чтобы грело... Ну, чтобы тепло было.

– Наденьте свитер. У вас есть свитер, или там шарфик на худой конец.

– Вы что издеваетесь!?

– Отнюдь. Беспokoюсь.

– Я куда попал?

– Вот с этого бы и начинали. В частную собственность попали. В квартиру. 110 квадратных метров, два туалета, две ваннные комнаты, обогреваемые полы, подземный гараж, тепло, уютно и богато...

– Буржуй! Гад! Всю Россию растащили, а сами в хороммах, во дворцах живут. И еще издеваются!

– А куда мы ее растащили?

– Сами знаете... то есть... знаешь!

– Без фамильярностей прошу. Мы с вами свиней вместе не пасли.

– А ну-ка назови свой адрес, гад! Я к тебе приеду, узнаешь, кто свиней пасет...

– Э! Братан, тебе в натуре мой адрес нужен? Ты че и в правду приедешь?

– Ты меня не пугай! Пуганные! Ишь! «В натуре!» Мы новых русских не боимся!

– А старых?

– Чего, старых?

– Старых-то никогда не боялись? Вам сколько лет?

– Сколько надо! Мои года – мое богатство!

– Миллионер, значит...

– Ну-ка назови свой адрес!

– А вы свой!

– Чего захотел. Нашел дурака...

– Да он сам нашелся! Это ведь вы мне позвонили... Грееет – не греет. Диспетчерская, что ли, нужна?

– А тебе какое дело!

– Да нет, никакого. Только телефон ваш у меня на спецопределителе уже давно висит, высвечивается. Я вот сейчас по нему адрес определяю и подумаю, познакомиться поближе или не стоит!

– Ты, чего, чего! Мужик! Угрожаешь, что ли! Я ж ошибся. В диспетчерскую же звонил. У меня отопление еле работает... Мерзнем.

– Иногда, батя, ошибаться можно только один раз. Как саперы!

– Только появись! Только появись у меня! Я сейчас в милицию позвоню! Они тебя научат, как с ветеранами разговаривать!

– Ну, позвоните! Со скорой помощью только не перепутайте, ради Бога...

Ветерану ответить было нечего. И он, нервно выругавшись, швырнул трубку. Ничего у меня, конечно, не высвечивалось и слово-то «СПЕЦопределитель» я вытянул из его, ветеран-

ской жизни, в которой следом за понятием «спец» всегда случались неприятности, никем не объясняемые и никому неподотчетные.

Сколько себя помню, постоянно был на привязи у этой нелепой, неуклюжей частички, которая со временем превратилась в обособленный, емкий, «внелингвистический» общественный институт, поглотивший все то, что подобострастно следовало за самой частичкой и стремилось прилепиться к ее короткому сокращенному тельцу.

Звук этот столь же отвратителен, как и приятен: что-то вроде крепкой выпивки – заливаешь в себя с легкостью необыкновенной, а выливается это в нестерпимую головную боль и мерзкую тошноту.

В то время, как толпа выстраивалась в огромную голодную и нервную очередь, ты всегда был вне ее. Для тебя открывалась потайная дверь «спецраспределителя», где импортными этикетками отсвечивал «спецпаек».

Но следом за этим дышала в спину Спецрасплата. Ее главные принципы были усвоены, как Устав тайного общества: язык – за зубами, трезвость расчета, авторитеты назначаются не тобой и не часто. Вот с этого и начинается та самая «нестерпимая головная боль». Преодолевается она лишь привычкой и терпением. Других лекарств нет. Но болезнь, тем не менее, развивается, и когда частичка «спец» уже даже шепотом не произносится голодной и нервной толпой, похмелье после нее остается, потому что в неприкосновенности сохраняется Устав, породивший этот лингвистическо-общественный оборот. В том же ряду – «спецсвязь», «спецтранспорт» – это, когда у тебя есть, а у других нет и не положено иметь. Это, когда один лишь интерес, который вызывают столь особенные понятия, становится основанием для интереса по отношению к тому, кто его первоначально проявляет. Оказаться в кругу тех, кто вправе пользоваться этими «спецвозможностями», означало и означает до сих пор принадлежность к избранному кругу, живущему по Уставу. Я – живу по этому Уставу, я – сектор, пусть маленький, пусть чуть приметный, этого круга. И если исчезну, перестану замыкать круг, то на мое место встанет другой, иначе круг разорвется и наружу вытечет нечто, что не имеет названия, что, скорее, плазма цвета крови, химический состав которой величайшая государственная тайна.

Есть еще один хвостик за всеильной частичкой «спец». «Задание». А все вместе – «спецзадание». За него и полагаются все остальные «спецы». Но оно и есть главный источник головных болей и недомоганий, порой, тех, кто его не заказывал, но исполнял и, уж, конечно, не ожидал для себя особых прибылей и успехов.

Так вот, сижу у телефона и жду «спецзвонка», и от скуки и нетерпения развлекаюсь телефонным теннисом с замерзающим в своей квартирке ветераном.

Телефон опять оживает.

– «Спецтранспорт» за вами вышел. Доставит на «спецдачу», получите «спецзадание». К исполнению приступайте сразу, немедленно. Подмойтесь, как следует, приведите себя в боевую готовность. «Спецдежда» ожидает вас в «спецгардеробе».

Звучит все это издевательски. Но так шутит только один человек, которому все сходит с рук. Я узнаю голос Паши Шарковского. Редкая пройдоха и мой старый приятель. Но несмотря на форму, содержание Пашиного звонка вполне серьезное.

Молчу. Он тоже. Потом хмыкаю.

– Что, майор, рычите в трубку? Не ясно сказано?

– Иди ты, Паша, со своими шуточками!

– Сам иди... на «спецдачу», красавчик ты наш спецсекретный.

«Спецсредства» не забудь! Надежные, нервущиеся, чтобы никаких последствий! И без возражений, майор!

В трубке сигналы. Улыбаюсь, а потом тяжело вздыхаю. Я готов к спецзаданию, как всегда: чисто выбрит, омылся благовонными шампунями, от меня к тому же благоухает модной парижской водой. Жду «спецмашину». Родина, презрительно щурясь, смотрит на своего сол-

дата. Он и его штык готовы к бою не на жизнь, а на смерть. И штык всегда в порядке! Будь оно все проклято! ...Все, кроме штыка....От него все же есть какая никакая польза. Он меня кормит и оберегает.

Небылица, четвертая

Вертолет «стрижет» землю так, будто хочет побрить ее до матового блеска. Пилот ищет посадочную площадку в горном предместье Северного Кавказа. Наконец, лужайка промелькнула под одутловатым телом машины, резкий вираж и колеса нервно касаются немятой травы. Мы вываливаемся из душного жерла вертолета, будто бильярдные шары, запущенные на зеленое сукно стола опытной рукой жуликоватого мастера азартной игры.

Горячие мощные потоки воздуха, густые как кисель, обжигают легкие – это вертолетные винты разрывают пространство и тишину.

Бежим в сторону и приседаем. Вертолет поднимается над нашими головами и, качнувшись неуверенно, боком таранит лазоревое небо. Он исчезает из зоны видимости, а, спустя полчаса, из жизни вообще. Но мы еще не знаем, что когда до Ханкалы останется несколько минут лета, вражеский «стингер» смешает в единую горячую массу металл и человеческую плоть. «Стингер» убил душу, потому что вертолеты, как говорил один мой знакомый пилот, это души убитых танков...

Нас – пятеро, мы готовы на все и ко всему. На каждом из нас темно-зеленые брюки, затянутые на щиколотках высокой шнуровкой тяжелой кожаной обуви. Зеленые майки, жилеты с двумя десятками карманов, черные вязаные шапочки. Боевой комплект весит чуть ли не больше каждого из нас. У меня на плече к тому же огромный короб спутникового телефона. Его мы можем использовать лишь один раз, когда понадобится вызвать за нами вертолет-эвакуатор.

Спецзадание укладывается в одну фразу: разыскать объект, идентифицировать его и ликвидировать. Мы готовы к любому повороту событий, к любому виражу. Поэтому двое из нас несут с собой мощные радиоуправляемые заряды. Тяжелый порошок упакован в два термоса, крышки которых – детонаторы. Три пульта управления лежат в трех разных карманах, в трех разных жилетах: по одному у каждого, кто несет термос, а один – у меня. Мощности взрыва одного лишь термоса хватит, чтобы обратить в песочную пыль скалу весом в тысячу тонн. И никаких следов – только эхо, бьющееся в горах, и панический, долгий полет птиц, уцелевших в этом аду.

Мы уходим в лес и начинаем подниматься в горы. Говорить не о чем и не за чем. Нам страшно и тревожно. Пять майоров, каждый из которых рассчитывает по возвращении на базу добавить на свои погоны сразу по две звезды и одну – на грудь. Старший – я, высокий, стройный, сильный и худой. Я иду вторым – первый оторвался на сто метров (это – боевое охранение), последний – на столько же отстал. В случае засады он умрет первым, хотя и идет последним. Тылы всегда «зачищают» особенно тщательно.

Нам предстоит двигаться без отдыха сутки, не меньше. Во внутреннем кармане моего жилета вчетверо свернута карта. На ней отмечена одна точка – туда нам и идти. Это узкое, сырое, полутемное ущелье, в дно которого зарылись сырые землянки. В одной из них уже полгода живет хмурый бородатый мужик, которого все называют Асланом. Но очень мало, кто знает, что настоящее его имя Николай. Его дед – армянин, поэтому Николаю достался крупный нос, черные глаза, смуглая кожа и темно-русые вьющиеся волосы. Еще в Сухуми, в затишье между боями, однажды ночью, в ветеринарной лечебнице старый абхаз-ветеринар сделал ему обрезание, и с тех пор он стал Асланом. А до этого кое-кто знал его как подполковника военной разведки Николая Воскобойникова. Этот «кое-кто» оберегал Николая-Аслана не хуже ангела-хранителя. В разведке долго верили, что подполковник Воскобойников возглавляет разветвленную агентурную сеть, облепившую, будто плотный косяк рыбы, ядро мятежных исламских командос. На глубоко законспирированном рынке наемников Николай-Аслан знал многих в лицо и в деле. Но информация о наемниках, поступающая через его связных, всегда заверша-

лась одинаково: наемники к тому времени уже были мертвы. Никто из них, во всяком случае, на этом свете, ничего рассказать не мог.

Как-то, в Чечне, в первую войну, телевизионную съемочную группу захватили боевики. Всех поставили к стенке, но один из немолодых репортеров, побывавший когда-то в Абхазии, узнал в командире Николая Воскобойникова. Еще в Абхазии, под Сухуми, подполковника тяжело ранили и потребовалась кровь очень редкой группы. Репортер дал свою...

...Воскобойников прервал казнь. Репортера повели в темный подвал разрушенного чеченского дома. Остальные продолжали стоять под дулами автоматов у остатков кирпичной кладки стены. В подвале Воскобойников с репортером выпили по полкружки неразбавленного спирта, прослезились, обнявшись, а, спустя час, съемочную группу отпустили, вернув ей даже всю ее дорогостоящую технику и отснятые кассеты. Воскобойников жаловался репортеру на одиночество, на трусость и продажность московского начальства, на дурное жалование и обидное неуважение к нему, профессиональному разведчику и диверсанту. «Здесь все хотя бы ясно! – говорил подполковник, – платят – воюем. Благо, есть опыт! Никарагуа, Ангола, Ливан, Афганистан – все это за моей спиной. Я знаю, как заставить Москву платить по счетам! Она сама меня этому учила... А „ислам“ для меня лишь легализация в новом качестве! Ну и пусть! Чем эта философия хуже вашей! Тот же Бог, требующий те же жертвы!»

Репортер не удержался от соблазна, когда прилетел в Москву, опубликовать свои впечатления от встречи с подполковником в одной из газет. И для военной разведки, и для некоторых других, конкурирующих служб, не оставалось сомнений – Воскобойников ведет двойную игру. Да еще у него сдают нервы! Началась охота за ним. Но занялось этим уже наше ведомство. Дважды приходила информация о его смерти, но проверка показывала, что эту информацию подкидывал либо он сам, либо тот «кое-кто» в Москве.

Растопырила свои любопытные уши радиотехническая разведка. К тому времени уже отгремела первая чеченская война, наступил угрюмый мир. А вскоре началась и вторая бойня.

Один из заложников, маленький, шуплый солдатик, которого нашли чуть живого в глубокой вонючей яме на окраине Аргуна, рассказал о некоем командире Аслане, на удивление образованном и умном человеке. Аслан отличался от всего своего окружения – он не был абреком, не был безумным фанатиком. Кто-то из чеченцев надменно сообщил солдатику, что их командир говорит на четырех языках и часто бывает за рубежом. Он, как никто другой, привозит оттуда много денег и наемников. Его ценят и уважают. Солдату, уже в Москве, в одном из кабинетов на Большой Лубянке, показали несколько фотографий бородатых бойцов; в крепком, подтянутом человеке он узнал Аслана, которого здесь называли подполковником Воскобойниковым. Солдату поставили диагноз: «посттравматический синдром на фоне маниакальной депрессии» и поместили в закрытую лечебницу.

Начали готовить группу офицеров-диверсантов, радиотехническая и агентурная разведки заработали как никогда агрессивно. Результаты появились очень скоро. Группа уже была готова вылететь в Чечню, но что-то задержало начало операции. Я только потом уже понял, что между тем, кого называли «кое-кто» и нашими командирами шел торг: брать ли Воскобойникова живым или ликвидировать его на месте. Победил в этом споре «кое-кто». Решили ликвидировать. Живой подполковник здесь уже был никому не нужен. «Кое-кто» так и останется «ником»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.